

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ: БЫТ, ИСКУССТВО И ТРАДИЦИИ

Лепаловская Полина Дмитриевна,
Малашенко Мария Александровна,
Нам Анна Евгеньевна,
студентки первого курса,
направление подготовки: «Востоковедение и
африканистика»,
ВИ–ШРМИ ДВФУ

Статуэтки из погребений «Воин, женщина и кочевник».
Терракота. Период Северная Вэй (386 – 534). Из
находок в Цзильсяне

Китайскую мифологию изучали множество синологов во всём мире, российское китаеведение этот вопрос не обошёл стороной. Так, историк Г.И. Царева в статье «Народные верования и магия в Китае» пишет: «В разные времена магия в Китае занимала прочное место во всех сферах жизни, и на протяжении столетий многие магические представления у китайцев не изменились. Все – от крестьянина до императора – разделяли уверенность в реальности сверхъестественного мира. Мало кто сомневался в существовании духов, привидений, демонов, в действительность колдовства и

магии... С помощью различных обрядов регулировались отношения между людьми, богами и демонами, что, по представлению китайцев, поддерживало гармонию и порядок во всём мироздании, тем самым обеспечивая благополучие всех существ в мире» [8, с. 311].

Э.М. Яншина в книге «Формирование и развитие древнекитайской мифологии» рассуждает о том, что «в мифологии древнего Китая, находящейся у истоков китайской культуры, воплощён первый опыт художественного обобщения действительности человеком, населявшим в глубокой древности территорию Китая. Это был этап формирования основ тех традиций, которые потом стали неотъемлемой частью одной из древнейших и самобытнейших культур мира – китайской культуры. Изучение его важно для воссоздания единого процесса становления и развития культуры Китая вообще и художественной культуры в частности» [7, с. 3].

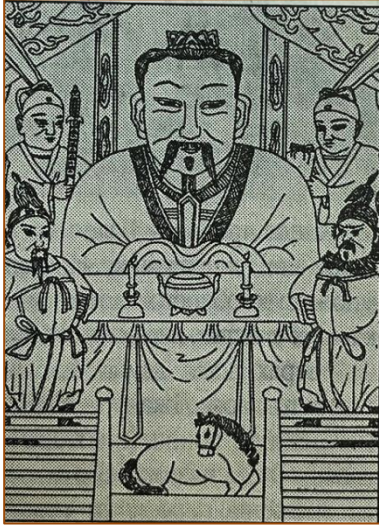
Н.Г. Федоренко в книге «Историко-филологические исследования» упоминает: «Древнекитайские мифы в тематическом отношении делятся в основном на сказания о различных таинственных явлениях окружающей природы, божествах и злых духах и на сказания о подвигах фантастических существ, будто бы обитавших в незапамятные времена в Китае и часто олицетворявших сказочные способности человека, а также определённые общественные силы» [9, с.381].

Мифы в бытовых культурах и обрядах

Потребность китайцев как-то связывать свои домашние дела с действиями сверхъестественных сил, которые вместе с предками должны покровительствовать людям, ещё в древности привела к созданию множества домашних и семейных культов. В книге «Культы, религии, традиции в Китае» доктор исторических наук, востоковед Л.С. Васильев писал: «Из всех них на первое место со временем вышел культ духа домашнего очага (Цзао-шэня). Он был

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

призван заботиться о благополучии семьи, охранять её покой, заступаться за неё в случае бедствий и несчастий. Великий день бога домашнего очага начинается ночью двадцать четвертого дня двенадцатой луны. Семья даёт ему прощальный обед, состоящий только из сладких блюд». Также автор уточнял: «что это жертвоприношение совершается только мужчинами» [3, с. 391].

Бог очага с его свитой.
Бумажная иконка. Начало
XX в.

Л.С. Васильев пояснял, чем занимался Цао-шень в семье: «Вместе с тем Цао-шэнь, как и всякий чиновник, нес и немалые обязанности иного порядка. Прежде всего, он строго регистрировал все события в семье и доме, давал им определённую оценку и через какие-то промежутки времени сообщал их, также, поскольку он ведёт семейный календарь, он может укоротить дни кого-либо из членов семьи или забрать то скромное достояние, которое она имеет» [3, с.392].

Учёный упоминает, что помимо духа домашнего очага, есть ещё и ряд более мелких домашних духов: «Так, божество брачной постели и его супруга должны были способствовать

хорошему браку. К группе домашних семейных божеств обычно относились Чжай-шэнь, «дух дома», а также духи «шести направлений» (четыре стороны света, верх и низ), в обязанности которых входило покровительствовать дому. В ряду домашних божеств и духов наиболее скромное место занимал дух - покровитель индивидуальной судьбы. Культ этого духа обычно связывался с культом звезды, под которой человек родился. Этой звезде было принято совершать индивидуальное поклонение в день рождения и в новогоднюю луну. Этот дух был, пожалуй, низшим звеном в мощной системе всех духов-покровителей,

божеств – патронов, коими был столь богат китайский пантеон» [3, с.393–394].

Ещё с давних времен для китайцев дом и семья стояли на первом месте, именно поэтому домашние духи и, прежде всего, дух домашнего очага занимали особенное место в пантеоне богов, и люди всегда с уважением и трепетом относились к ним.

Брак в Китае в первую очередь рассматривался как ритуальный обряд, который способствовал увеличению и укреплению семьи. Женитьба сына всегда считалась очень важным делом, ради которого не жалели ни сил, ни средств, влезая подчас в неоплатные долги. «В этот день празднично наряженную в красное невесту, причёсанную ещё по-девичьи, в паланкине приносили в дом жениха. Весь свадебный выезд тщательно оберегался от злых духов: против них выпускали специальные стрелы, на грудь невесты одевали обладающее магической силой бронзовое зеркало и т. п. В доме жениха в честь невесты запускали ракеты-шутихи, затем в момент встречи невесте и её родне (а также и многочисленным собравшимся, в том числе нищим, от которых откупались по заранее достигнутой договоренности) раздавали подарки. Жених и невеста вместе кланялись Небу и Земле, совершали ещё ряд обрядов и поклонений, им подносили две рюмки вина, связанные красным шнурком. Угощали пельменями. Всё это имело свой смысл, всё было полно глубокой символики...» [3, с.133–134].

Известный российский китаевед, профессор В.В. Малявин в книге «Китайская цивилизация» пишет о духах так: «Со своей стороны они могут оказывать живущим разнообразную помощь, потому что китайцы верили, боги или демоны были когда-то обычными людьми и, подобно живым, им нужна еда, питье, одежда и забота близких. Соответственно, центральное место в китайской религии занимает культ усопших предков - «родственных душ». В каждом китайском доме имелся семейный алтарь, на котором стояли таблички с именами умерших предков. Предкам регулярно совершали подношения, в дни праздников их приглашали побыть

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

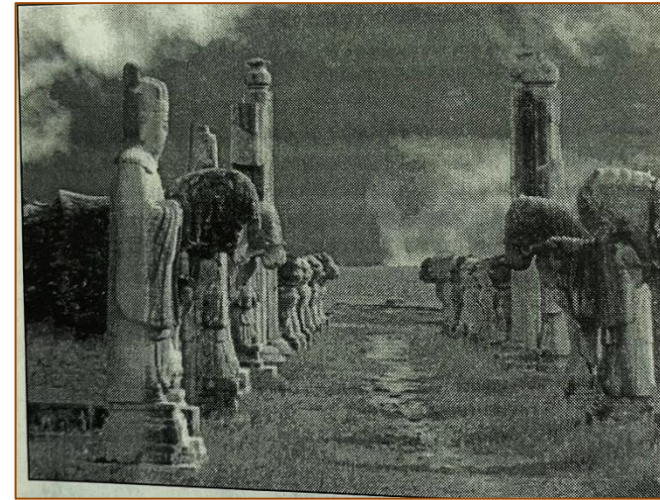
вместе с живыми, им докладывали о всех произошедших в семье переменах» [4, с.230].

Синолог В. Эберхард в книге «Китайские праздники» описывал культ предков таким образом: «В определённые дни вся семья собирается вместе. Отсутствующие стараются приехать домой, но, если это невозможно, они, где бы ни находились в это время, готовят небольшое жертвоприношение в надежде, что до их предков дойдёт «дух» подношения, которое они сжигают. Это жертвоприношение на расстоянии так же, как семейная церемония, должно быть совершено до захода солнца или рано утром, когда духи покойников находятся «дома» – в своих могилах. Подношения на могилах состоят из различных блюд: грубой просяной каши в более бедных семьях и полного китайского обеда в богатых домах. Каждый предок получает свою долю, а общее жертвоприношение адресуется им всем вместе, чтобы даже те, которых могли забыть, не обиделись» [1, с.105–106].

Мифология в искусстве

Китайская мифология сильно повлияла не только на образ жизни населения Поднебесной, но и на мировоззрение представителей мира искусств: архитекторов, художников и поэтов, что отразилось в их работах.

В книге В.В. Малявина «Китайская цивилизация» рассказывается о скульптурах древнего Китая: «Сохранившиеся образцы древнекитайской скульптуры всегда имеют функциональное назначение: они либо иллюстрируют мифологические сюжеты, либо относятся к разряду погребальных предметов, призванных служить хозяину в загробном мире. Известно, что в древности по обеим сторонам дороги, которая вела к гробнице особо знатного человека, могли стоять каменные изваяния мифических животных и прислужников. Терракотовые фигурки таких слуг почти непременная принадлежность каждого древнего захоронения. Эти статуэтки, как правило, выполнены довольно грубо – они не наделялись художественной ценностью. Правда, в могиле Цинь Шихуанди обнаружено множество

Статуи животных и прислуживающих чиновников вдоль дороги к гробницам императоров династии Мин близ Пекина. XV I в.

терракотовых фигур воинов императорской гвардии величиной в человеческий рост, наделённых индивидуальными чертами и даже, по-видимому, обладавших портретным сходством с прототипом. Тенденция же к натуралистическому правдоподобию изображения всегда была свойственна официальному дворцовому искусству. Одно из наиболее известных изваяний древности – скульптура лошади, попирающей варвара, которая стоит у могилы ханьского полководца Хэ Цюйпина. Большой популярностью в первые столетия н. э. пользовались изваяния химер в виде крылатых львов. Такие львы изображались с откинутой назад мордой и выпяченной грудью, что подчёркивало значение линии в скульптурной композиции» [4, с. 463–464].

Помимо скульптуры, значимую роль в прикладном искусстве Китая играл орнамент, где символично могли отображаться мифологические образы. В.В. Малявин описывает его так: «Орнамент и есть не что иное, как знак предела, границы, одновременно разъединяющей и связывающей вещи. В числе

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

популярнейших орнаментальных символов Китая (служивших также амулетами и оберегами) мы не случайно встречаем эмблему Великого Предела, Восемь триграмм, Пять стихий и пару драконов, кружащих вокруг «огненной жемчужины» [4, с. 496].

Искусствоведы Л.П. и В.Л. Сычёвы в книге «Китайский костюм» объясняют, что миф о пылающей жемчужине часто находил отражение в одежде китайской аристократии и императорских одеяниях. «Что же касается пылающей жемчужины, то это, конечно, не просто образ грозы, навеянный, быть может, шаровой молнией, но символ с очень глубоким философским содержанием. Мы думаем, что он выражает двуединую сущность дракона, воплощающего слияние двух противоположных начал, что подтверждается сопоставлением изображения молнии на ханьской ткани с пылающими жемчужинами и символами слияния Инь-Ян, которыми играют драконы Дуньхуана и Цинлина» [6, с. 27].

Символы с китайских орнаментов

Всё это наглядные символы динамического всеединства мироздания. В китайском орнаменте часто встречается и очень древний по своему происхождению «небесный», или «облачный» узор из полукружий – знак «небесной полноты» бытия [4, с. 496].

Также в китайских орнаментах, украшающих жилища и одежду, отражаются мифические представители фауны. «Что касается фауны, то здесь наряду с мифическими животными – вестниками благополучия и удачи – фигурируют и вполне земные существа: журавль – символ долголетия, дикий гусь – символ духовной возвышенности, карп – символ успеха, утка и селезень (нередко изображаемые вместе с цветком лотоса) – символ

супружеской верности, бабочка – символ безмятежной радости и даже летучая мышь – символ счастья (слово «летучая мышь» по-китайски звучит как слово «счастье»)» [4, с. 496-497].

На вышивках, в украшениях дома, одежде аристократов присутствуют мифические животные: жаба и лунный заяц. По словам Л.П. и В.Л. Сычёвых, «на диске луны в ханьские времена изображали жабу Юзчань (букв. Лунная жаба). Это связано с легендой, рассказывающей о том, что Чан Э, жена стрелка И, убившего десять солнц, украла у него эликсир бессмертия и убежала на луну, но в наказание была превращена в жабу. Вместе с жабой часто изображали также и лунного зайца Юэту, толкущего в ступке порошок для приготовления эликсира бессмертия. Характерно, что оба изображения (и жабы, и зайца) связаны с легендами о напитке бессмертия» [6, с. 28].

Наиболее раннее изображения дракона (вернее рогатого змея), свернувшегося наподобие иероглифа «ба», можно увидеть во внутренней орнаментации бронзового блюда эпохи Инь, опубликованного Жун Гэном» [6, с. 77]. Н.А. Виноградова в книге «Китайская пейзажная живопись» поясняет: «Так, дракон символизировал водные стихии. Считалось, что он обладает способностью накапливать воду и выливать её на землю» [10, с. 24]. Поэтому художники, отображавшие водные стихии, помещали на картинах драконов.

Часто мифические драконы присутствовали на тканях и вышивках. Как писали Сычёвы: «очень интересно рассмотреть ханьскую ткань, воспроизведенную у Шэнь Цун-вэня, сплошь затканную многочисленными фигурами драконов и тигров» [6, с. 47].

«Рыбы в китайском фольклоре выступают символом изобилия и согласия, а птицы – символом свободы и радости» [4, с. 497]. Эти сюжеты можно увидеть на шёлковых картинах, вазах, столешницах, ширмах.

Изображения мифических существ также встречаются в садово-парковых комплексах знатных особ, правителей и императоров.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

М.Е. Кравцова приводит описание одного из парков ханьского императора У-ди: «В оригинальных источниках говорится, что этот парк состоял из водоёмов и аллей, расположенных строго по частям света и украшенных монументальной скульптурой, воспроизводящих зооморфных персонажей (Бирюзового дракона, Красную птицу и т. д.)». Другой парк того же императора «воспроизводил «обитель бессмертных» Пэнлай [5, с. 287–288].

Ханьский император У-ди

На основании исследований китаеведов можно сделать вывод о прямом влиянии китайской мифологии на мировоззрение представителей китайского искусства.

Мифы в традициях и праздниках

Традиционные китайские праздники имеют многовековую историю и составляют большое культурное наследие. Многие из них сформировались на основе мифических представлений древних китайцев. Так, О.Б. Рахманин в своей книге «Из китайских блокнотов» пишет про праздник Весны, который в Китае отмечается ежегодно в Новый год по традиционному лунно-солнечному календарю (по григорианскому календарю – январь или февраль) [2, с.99–100].

Более того, такой масштабный праздник не мог обойтись без проведения специальных церемоний, о которых пишет в своей книге «История Культуры Китая» М.Е. Кравцова: «Важнейшей из них считалась церемония проводов на Небо Бога очага, исполняемая в 23-й день последнего месяца текущего года. В современном Китае празднование Нового года продолжается в

течение всего нескольких дней. Оно начинается с расклеивания бумажных надписей благопожелательного содержания по обеим сторонам входа в дом, а само помещение украшается лубочными новогодними картинками» [5, с.188–189].

Новогоднее празднование в доме. Лубочная картинка начала XX в.

В.В. Малявин в книге «Китайская цивилизация» описывает празднование Нового года: «Новогоднее убранство дома включало в себя множество оберегов и талисманов, отгонявших злых духов и привлекавших счастье, в том числе: изображение «духов – стражей ворот» на дверях дома, самых могущественных магов-экзорцистов, вроде главного даоса Чжана – Небесного Наставника, бруски древесного угля, стебли конопли, которые разбрасывали во дворе, зажжённые свечи у очага и семейного ложа, фонарь на высоком

шесте во дворе, изображение иероглифа «счастье» (обычно его вешали вверх ногами, так как в китайском языке выражение «счастье перевернуто» звучит как «счастье пришло»), парные благопожелательные надписи, декоративные деньги, комнатные лубочные картинки-благопожелания – так называемые новогодние картинки, – счастливые символы в виде бумажных вырезок, цветы в горшках, ветви сосны или кипариса с привязанными к ним деньгами, лохань с рисом, украшенная мандаринами и пр. Средством отваживания нечисти считались разрывы пороховых хлопушек и громкие удары барабана» [4, с.572–573].

Совершали обряд проводов на Небо бога домашнего очага – Цзао-вана, который, согласно народному поверью, отправлялся ко двору небесного владыки с докладом о поведении подвластной ему семьи за прошедший год. По этому случаю глава дома сжигал бумажную фигурку всадника, предварительно облив её вином и смазав ей рот мёдом – чтобы захмелевший Цзао-ван на небесах говорил только «сладкие речи» о своих подопечных [4, с.572].

О фольклорных мотивах в Новый Год в разных районах Китая М. Е. Кравцова пишет: «В южных районах Китая (район г. Гуанчжоу) обязательным атрибутом Нового года является мандариновое дерево с висющими на нём плодами. В ночь наступления Нового года вся семья собирается вместе за праздничным столом. По-прежнему употребляется специальная обрядовая пища, которой служат особым образом приготовленные клецки, пирожки из рисовой муки, лапша, пампушки с фаршем из баранины и свинины. В северных регионах Китая на стол непременно подаются пельмени, а в южных – вино, настоянное на ветвях «счастливых» деревьев (персик, кипарис) или целебных (они же – растения бессмертия) травах. Ровно в полночь начинают запускать хлопушки и фейерверки, исходно предназначавшиеся для отпугивания злых сил. Утром следующего дня полагается обходить дома родственников с поздравлениями. В течение нескольких последующих дней устраиваются всевозможные торжества, сопровождающиеся театрализованными зрелищами и цирковыми

представлениями, включая знаменитые «танец львов», «пляску дракона» и т. д.» [5, с.188–189].

Также, в древнем Китае существовал праздник Старого огня, который прямо или косвенно связан с солнцем, а не с луной. В книге «Китайские праздники» об этом празднике рассказывается, что все огни в доме и вокруг него гасятся, и в течение двадцати четырёх часов не зажигали новый огонь. До XIII столетия новый огонь зажигали затем способом трения друг о друга двух ивовых прутьев. Несомненно, даже в древности китайцы знали более совершенный способ добывания огня, но этот способ существовал веками и считался священным [1, с. 107].

У В. Эберхарда упоминается также о празднике фонарей, который в Китае имеет почтенную историю, восходящую ко временам тысячелетней давности. Он писал: «Ночью тринадцатого, четырнадцатого, пятнадцатого и в некоторых местах даже семнадцатого дня каждый выходит на улицу, выставляя напоказ свои фонари и сравнивая их с другими... В это время в Пекине на улицах устраиваются процессии, напоминающие последний день карнавала – с танцорами на ходулях, в фантастических одеяниях, служащими особой приманкой для публики... При этих шествиях большой дракон длиной тридцать и более футов строится из бамбуковых прутьев и ткани. У него золотистые и синие глаза, серебряные рога больше бычьих, украшенные красными кисточками, длинная зелёная борода и открытая пасть со свисающим красным языком – он и впрямь выглядит причудливо. Животное несет группа мужчин; каждый из них держится за палку, которая поддерживает одну из конечностей дракона. Тело этого чудовища озарено многочисленными свечами, установленными по всему длинному его телу. Дракон следует за раскрашенным солнечным шаром, большим шаром из материи, символизирующим солнце, которое преследует символ облаков – дракон, приносящий дождь» [1, с. 64–65]. «Эти красочные и веселые ночи праздника фонарей под луной, которая светит ярче, чем все фонари, – пишет синолог, – завершают праздник Нового года – после более чем месяца церемоний, пышных зрелищ и торжеств. Так китайцы

проходят через цикл «очищения», который начинается изгнанием всех вредных духов и продолжается подготовкой к тому, чтобы привлечь и принять благоприятные знаки и духовные силы наступающего года на действительном празднике – сперва в форме установленных семейных обрядов, а затем в виде более свободных публичных развлечений на улицах и рынках» [1, с. 66].

В Китае также существуют и осенние праздники, связанные с мифологическими сюжетами. Осенние календарные празднества, по словам М.Е. Кравцовой, открываются Праздником Кануна седмицы, который справляется 7-го числа 7-го месяца по лунному календарю. Мифологическое обрамление этого праздника составляет легенда о Ткачихе и Пастухе. В своём изначальном виде это празднество символизировало, видимо, соединение женского и мужского начал мира, персонифицированных Ткачихой и Пастухом. Праздник Кануна седмицы, пользовавшийся чрезвычайной популярностью в традиционном Китае, в настоящее время массово не отмечается [5, с. 191]. История этого праздника произошла из астрального сюжета. «Главными действующими лицами этого сюжета выступают небесная Ткачиха и её супруг – земной юноша – пастух. Став по воле случая женой Пастуха, Ткачиха предпочла скромные радости супружества и материнства пребыванию в Небесном дворце, где она вместе с шестью сестрами – ткачихами занималась изготовлением небесного покрывала. Однако семейное счастье Ткачихи и Пастуха продолжалось недолго. По приказанию богов Ткачиха была возвращена на небо. Пастух, бросившийся вслед за любимой женой, тоже смог подняться на небо, но они оказались по разные стороны Небесной реки (Млечного пути). Горе Ткачихи и Пастуха было настолько велико, что вызвало сочувствие богов. Супругам разрешили встречаться, но только раз в году в седьмой день седьмого месяца. В тот день, как гласит легенда, со всего света к Небесной реке слетаются сороки и образуют через неё живой мост, на котором встречаются Ткачиха и Пастух. С изложенным сюжетом связан образ сороки как «птицы счастья», а изображение нескольких (двух, стаи) сорок служит в китайском

искусстве символическим пожеланием взаимной любви и счастья в семейной жизни» [5, с. 176].

М.Е. Кравцова отмечает и другой осенний праздник, связанный с культом луны. В отличие от праздника Кануна седмицы, традиция отмечать другой осенний праздник – Середины осени (Чжунцю) – оказалась более устойчивой. В его основе лежат обряды и праздничные игры, отмечающие окончание уборки урожая. В нём просматриваются отчётливые связи с культом луны и многочисленная лунарная символика: его календарная пища – «лунные» лепешки (или пряники) строго круглой формы. На поверхности лунной лепешки печатаются изображения Хозяйки луны (Чан-э), жабы, лунного зайца и «счастливые» иероглифы [5, с. 191–192].

Праздник Двойной девятки широко справлялся в традиционном Китае, включая в себя обычай совершать прогулки в горы и устраивать там специальные пикники. На таких пикниках было принято распивать так называемое «вино из хризантем» – рисовую водку, настоянную на лепестках хризантем. Она считалась напитком, который отвращает напасти и продлевает жизнь. Запускали воздушных змеев, которым придавался облик реальных и фантастических существ, обладающих способностью к полёту. Традиция запускать воздушных змеев в День Двойной девятки сохранилась и в современном Китае [5, с. 191].

По мнению М.Е. Кравцовой, изложенному в книге «История культуры Китая», «тот культурно-идеологический пласт, который считается «китайской мифологией», действительно имеет мало общего с мифологическими системами других народов мира, в первую очередь, с античной мифологией. Перед нами – конгломерат явно разнородных по времени и культурной принадлежности верований, культов и осколков некогда, видимо, целостных, но неизвестного происхождения, мифологических сюжетов, которые были искусственно приведены в подобие относительно связных по содержанию повествований. Тем не менее эти повествования являются подлинным и полноценным феноменом духовного наследия китайской цивилизации, знание

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

которого выступает необходимым условием для понимания опорных образно-символических рядов местной политической, художественной и популярной культуры» [5, с. 193]

Список литературы

1. Эберхард, В. Китайские праздники / В. Эберхард. – М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1977. – С. 63–66, 103–106, 107–114.
2. Рахманин, О. Б. Из китайских блокнотов // О культуре, традициях, обычаях Китая / О. Б. Рахманин. – М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1982. – С. 99–104.
3. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1970. – С. 131–134, 391–394.
4. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М. : Изд-во «Астрель», 2000. – С. 230–236, 463–468, 496–498, 571–579.
5. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во «Лань», 2003. – С. 171–174, 176–177, 187–193, 287–293.
6. Сычев, Л. П. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве / Л. П. Сычев, В. Л. Сычев. – М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1975. – С. 26–29, 44–50.
7. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1984. – С. 3–25.
8. Царева, Г. И. Народные верования и магия в Китае // Все о Китае: культура, религия, традиции / сост. Г.И. Царева. – М. : Профит Стайл, 2008. – С. 311–324.
9. Федоренко, Н. Т. Тематическое своеобразие китайской мифологии // Историко-филологические исследования : сборник статей к семидесятилетию академика Н. И. Конрада / Академия наук СССР, Отделение литературы и языка ; [гл. ред. М. Б. Храпченко и др.]. – М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1967. – С. 381–390.
10. Виноградова, Н. А. Китайская пейзажная живопись / Н. А. Виноградова. – М. : Изд-во «Изобразительное искусство», 1972. – С. 22–70.